

Изъ писемъ братьевъ Полевыхъ къ В. К. Карлгофу.

Марта 10 дня 1833 г. Москва.

Милостивый государь Вильгельмъ Карловичъ.

Если бы вы прѣехали теперь въ Москву и пришли ко мнѣ, то застали бы все точно такъ, какъ было прежде. Блаженъ народъ, котораго исторію читать скучно. Оборота эту фразу, можно примѣнить ея къ семейственной жизни, и однообразіе въ жизни семьянина есть порука, что ему хорошо.

Я печатаю теперь IV-й томъ Исторіи; готовилъ съ братомъ остальные номера Телеграфа за прошедшій, и 4-ю и 3-ю за нынѣшній годъ. Скоро начну печатать новый романъ свой (опять подъ благочестивымъ названіемъ: „Судъ Божій“). Последняя часть „Клятвы на гробѣ Господнемъ“ отпечатана. Еще думаю выдать собраніе старыхъ и новыхъ повѣстей своихъ, подъ титуломъ: „Мечта и жизнь“ (одну изъ новыхъ, можетъ быть, вы прочитали въ 1-мъ и 2-мъ номерѣ Телеграфа за сей годъ: „Блаженство безумія“). Другую помѣщу въ 6-мъ и 7-мъ, подъ названіемъ, „Художникъ“. Если только не умру, то издамъ въ нынѣшнемъ году Исторіи IV, V и VI-й томы. Шестой оканчивается восшествіемъ на престолъ Годунова. Изъ всего этого можете судить, какъ я занятъ. Чего другого, а въ недостаткѣ трудоспособности меня упрекнуть нельзя.

Что-то вы подѣлываете? Новоселье. . . . .*) Петербургъ, прекрасно для одного, двухъ издателей; но признаюсь отъ цѣлага собранія Русскаго Парнаса я ожидалъ болѣе. Съ чего Жуковскій лѣзетъ въ Русскую кожу? Для чего Пушкинъ такъ фигурируетъ, чтобы

*) Одно слово не разобрано. П. Б.

сказать вздоръ? Брамбеусъ уморителенъ, но онъ забылъ, что лежачаго не бьютъ, и что ему не годится тыкать чорта à posteriori—это гадко! Одоевскій слишкомъ перехитрилъ. Всего лучше понравился мнѣ Гречъ своими „Воспоминаніями“. Изъ воспоминаній Шишкова я узналъ, что Екатерина писала дурные стихи. Жаль!—Кстати, *кто-то* обѣщалъ мнѣ стихи (къ Алексѣеву, помнится) и отдалъ ихъ другому....

Простите болтливость: вѣдь я журналистъ и притомъ самый старшій послѣ Греча. Но я всегда новъ буду въ чувствѣ совершенной преданности, съ какою есть и буду вашъ усердный

Н. Полевой.

*

Москва. 1833. Мая 17 дня.

Вы меня порадовали извѣстіемъ о Кукольникѣ. Вѣрю вамъ, восхищаюсь напередъ, если онъ оказываетъ такой необыкновенный талантъ; но совсѣмъ не помню чтò онъ печаталъ до сихъ поръ и гдѣ? Если онъ удерживался еще и печатать, это одинъ изъ признаковъ дарованія сильнаго, надежнаго на себя, недовольнаго собою, а недовольство собою есть ручательство хорошаго. Прошу васъ поручить меня знакомству истиннаго поэта. Въ обмѣнъ за извѣстіе о Кукольникѣ скажу вамъ нѣчто смѣшное. Здѣсь также проявился было геній, нѣкто Бахтуринъ. Дамы, а многіе и кромѣ, были отъ него въ восторгѣ. Мой любезный увлекающійся всѣмъ прекраснымъ Вельтманъ жестоко спорилъ со мною. Наконецъ—тиснулъ одну поэмю Бахтурина, и я похоталъ надъ Вельтманомъ, когда онъ съ изумленіемъ говорилъ: „Да онъ и грамоты Русской не знаетъ!“ На дняхъ получилъ я Языкова и прочиталъ его въ три присѣста отъ доски до доски, нарочно, чтобы дать себѣ полный отчетъ (статью объ немъ въ Телеграфѣ писалъ мой братъ). Знаете ли, что Языковъ навелъ на меня грусть? Да, грусть именно! Можно ли съ такимъ языкомъ, съ такими формами стиха, соединять такую безмыслицу, такую пошлость содержанія! Стихъ у него чудный—содержаніе, душа стиха мышья, точно мышьямъ огнемъ согрѣвая! Еще болѣе досады принесъ мнѣ Одоевскій. Этого я хорошо знаю, знаю, что онъ человекъ съ залогомъ прекраснымъ; но—Боже! Чтò это такое „Пестрыя сказки“? Камеръ-юнкеръ хочетъ подражать Гофману, и подражаетъ ему еще не прямо, а на Жанетовскій манеръ, и не забываетъ при томъ, что онъ аристократъ и камеръ-юнкеръ. Это сборъ мельчайшихъ претензій на остроуміе, философію, оригинальность. Чудаки! Не смѣютъ не сдѣлать въ условный день визита и пишутъ à la Hoffmann! Надобно быть поэтомъ, сойти съ ума и быть геніемъ, трепетать самому того, чтò пишешь, ра-

стерзать свою душу и напиваться до пьяна виномъ, въ которое каплетъ кровь изъ души—тогда будешь Гофманомъ! Ради Бога, если Кукольникъ вашъ таковъ, какъ вы пишете, оживите намъ душу его созданіями. Я истомился на пустоцвѣтахъ Русской литературы, въ духотѣ этого концерта аматёровъ, которые разыгрываютъ чужія пьесы въ пользу бѣдныхъ. Сколько разъ бывалъ я обманутъ ожиданіемъ! Подолинскій, Козловъ, Шевыревъ, Языковъ, Алексѣевъ, Шишковъ. Погодинъ, etc, etc, такой обѣщаль быть тѣмъ, другой другимъ, и ни одинъ изъ нихъ не сдержалъ своего обѣщанія. У однихъ литература есть средство интриги (Погодинъ), у другихъ мимоходомъ занятіе отъ скуки (такихъ сотни), иные слишкомъ перемудрили (Шевыревъ, Одоевскій), иные выпарились въ звукахъ (Подолинскій etc). Я самъ однакожь испугался теперь сердитаго тона моего; впрочемъ, съ вами неискренность почелъ бы я грѣхомъ, любя и уважая васъ, какъ человѣка еще болѣе, нежели какъ литератора. Кстати о литераторахъ: въ № 8-мъ, который печатается, я написалъ статью о вашихъ Повѣстяхъ, хвалю и браню, положила руку на сердце, а на это вы можете положиться, какъ и быть увѣреннымъ въ неизмѣнности къ вамъ бранчливаго, но любящаго васъ

Полевого.

P. S. Хотите ли знать идею рецензіи моей на ваши Повѣсти? Вотъ она: человѣкъ съ неподдѣльнымъ поэтическимъ дарованіемъ, которому недосугъ писать и уединяться въ свою душу. Такъ-ли? Скажемъ откровенно.

*

30 Декабря 1833. Москва.

Мы съ Телеграфомъ подвигаемся раковымъ ходомъ, и дѣлаемъ и хлопочемъ болѣе другихъ журналистовъ, отъ того, что и работаемъ усерднѣе, да и цензурушка-голубушка заставляетъ часто дѣлать вдвое, выключая цѣлыя статьи, искажать другія и вообще поступаетъ съ нами немилосердно. Особенно съ тѣхъ поръ какъ министръ просвѣщенія С. С. Уваровъ, цензоры съ ума сошли. За невинную статью мою о Наполеонѣ онъ столкнулъ съ мѣста почтеннаго, заслуженнаго старика Двигубскаго, и остальныхъ загонялъ такъ, что они мечутся какъ угорѣлыя кошки. Каково же литературѣ отъ этого? Каково намъ? Представьте себѣ, что намъ только 1-го Декабря позволили объявить о Телеграфѣ; таскаютъ каждую книжку недѣли по три, по мѣсяцу, потому что каждую строчку обсуживаютъ полнымъ присутствіемъ цензуры, и проч. и проч... Видно, Уваровъ не хочетъ жить въ исторіи, или не боится приговорить ея, также какъ не боится употреблять во зло довѣренность Государя.

Какъ исковеркала цензура прелестныя статьи Марлинскаго о романѣ—это ужасъ! Цѣлыя страницы исключены; смыслъ во многихъ мѣстахъ переиначенъ!.. Кстати о Марлинскомъ. Онъ жестоко разсердился на Смирдина, который объявилъ его сотрудникомъ своимъ, даже не извѣстивши и однимъ словомъ о томъ. Въ гнѣвѣ, Марлинскій написалъ рѣзкое отреченіе отъ его журнала и прислалъ къ намъ для напечатанія. Мы въ большемъ затрудненіи, боясь повредить самому разсерженному, если напечатаетъ и разсердить его противъ самихъ себя, если спрячемъ подъ сукно; надобно будетъ посовѣтовать ему смолчать.... Предпріятіе Смирдина не бесполезно и начато съ добрымъ намѣреніемъ; но что оно будетъ мыльнымъ пузыремъ, это видно изъ объявленія о статьяхъ первой книжки. Какой вздоръ! Первая книжка должна бѣ была грянуть громомъ, а она просипитъ какъ осѣкшійся пистолеть. Съ нашей стороны сдѣлано все доброжелательное: я уговаривалъ Марлинскаго пособлять Смирдину, не зная, что Смирдинъ насолилъ ему до озлобленія.

К. Полевой.

Сообщилъ А. Ѳ. Кони.

